

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ:

Культура. – 2001. – 18-24 янв. – с. 10

В своих устремлениях я одинок

нег я там не получаю – стыдно их брать, поэтому моя работа – абсолютное миссионерство. В общей сложности у меня было 15 студентов. Но если я возьму полноценную нагрузку, это приведет к тому, что я либо буду играть, как большинство профессоров Московской консерватории, из года в год дрейфующих между Хельсинки и Токио, либо мои ученики будут получать от меня столько, сколько они получают от нынешней гастролирующей профессуры, – ничего. Соединять полнокровное преподавание и полнокровную концертную жизнь, на мой взгляд, невозможно, поэтому в классе у меня занимают всего четыре человека.

– Все участники концерта – стипендиаты вашего благотворительного фонда. Расскажите, пожалуйста, об этом вашем детище.

– Сейчас готовимся ко Второму фестивалю в Кремле. Мы не претендуем ни на какие особые лавры, но стараемся выполнить свою задачу – это открытие новых имен, их презентация. В России сейчас довольно много организаций, которые делают бизнес на детях. С одной стороны, слава богу, что они этим занимаются, потому как делают талантливым детям карьеру. Но в системе их работы есть одна порочная вещь: дети практически ничего за свой труд не получают. Поэтому они и ждут того момента, когда можно будет «слинять» за границу. Я всегда договариваюсь, чтобы филармония, где выступают стипендиаты моего фонда, платили детям гонорары. Тогда они чувствуют, что их труд чего-то стоит. Кстати, у меня уже есть договоренность о серии абонементных концертов с участием стипендиатов фонда с Екатеринбургской, Ярославской, Ялтинской филармониями. Наши стипендиаты ежемесячно выступают и в Москве, в зале фонда на Остоженке, 22, а теперь будут регулярно играть и в Оружейной палате. Мне бы хотелось, чтобы молодые дарования попытались найти себя здесь. Тогда, может быть, не все и уедут. Но боюсь, что в своих устремлениях я одинок.

Беседу вела
Анна ВЕТХОВА

Н.Петров

В этом сезоне Николай Петров открыл свой персональный абонемент, куда включил 14 ансамблевых концертов – двойных и тройных (из 600 существующих на сегодняшний день концертов для фортепиано с оркестром – в его репертуаре 67!). Весьма заманчивой маэстро представляется идея сыграть четверной концерт Баха и Пятый Бранденбургский с солирующими фортепиано и флейтой, хотя у него и есть сомнение, выдержит ли сцена БЗК четыре рояля. А новый век пианист начал с не менее интересного проекта: на сцене БЗК прозвучали два концерта для двух фортепиано с оркестром Феликса Мендельсона в исполнении самого маэстро и стипендиатов его благотворительного фонда Александра Гиндина, Ольги Папикян и Полины Беспалько в сопровождении Государственного симфонического оркестра (художественный руководитель и главный дирижер Василий Синайский) п/у Федора Глущенко. Оба сочинения принадлежат перу тринадцатилетнего Мендельсона, оба безумно виртуозны и полны юношеского очарования. Интересно, что московской публике эти сочинения практически неизвестны (ми-мажорный концерт был единственным раз исполнен Гавриловым и Шоном в 1977 году, а ля-бемоль-мажорный не исполнялся в России вообще). Задуманная Николаем Петровым музыкальная премьера стала еще и первой пробой сцены БЗК для его учениц Ольги Папикян и Полины

Беспалько, которые солировали в ми-мажорном концерте. За блестящим пассажем, что легко и непринужденно «выбегали» из-под пальцев пианисток, был слышен и настоящий дуэт двух индивидуально-стилей, обладающих своим исполнительским почерком, дуэт, основанный на контрасте лирики (Папикян) и феерического блеска (Беспалько). Николай Петров и Александр Гиндин в ля-бемоль-мажорном концерте явили ансамбль иного свойства, трактуя концерт не как соперничество характеров и манер, но как музыкальное поле, на котором двое превращаются в одного, добиваясь идентичности звука, единой логики в развитии образов, одним словом, абсолютного слияния с музыкой Мендельсона.

После концерта Николай Петров дал интервью для нашей газеты. В первую очередь я попросила маэстро сказать несколько слов о его ученицах.

– Мне кажется, они замечательные пианистки, и есть все предположения к тому, чтобы у них сложился прекрасный ансамбль. Я им об этом сказал, но не знаю, послушают старика-профессора или нет. Полина Беспалько пришла ко мне в класс в 17 лет, пришла, к сожалению, являя собой образец достижений нынешней педагогики. Колоссальные технические возможности и удивленные глаза, когда речь заходит о звуке. Ольга Папикян окончила Мерзляковское училище у замечательного педагога и

моего партнера профессора Тиграна Алиханова, ученика великого Оборина, поэтому со звуком у нее дела обстояли значительно лучше. Сегодня я с большой радостью констатирую, что Полина за эти шесть лет выросла в серьезного музыканта. Выдающаяся виртуозность осталась при ней, но она научилась правильно работать с партитурой, ее интерпретации стали очень интересными. Я надеюсь, что у Полины впереди яркая, насыщенная творческая жизнь. С Олей мы много занимались оттачиванием виртуозного мастерства, и сегодня она прекрасно справляется с такими трудными сочинениями, как, например, Вариации на тему Паганини Брамса. Она стала лауреатом на конкурсе в Англии, и я думаю, что это не последняя ее победа. Сейчас Оля и Полина готовятся к выпускным экзаменам в консерватории, потом останутся у меня в аспирантуре.

– Каково педагогическое кредо профессора Николая Петрова?

– Я очень рад тому, что научил своих учеников самому главному, тому, на что в свое время потратил много усилий мой педагог, незабвенный Яков Зак, – правильной и точной работе с текстом. Большинство наших молодых пианистов и музыкантов, глядя в партитуры, видят там лишь черные крючки, не знают, в чем разница между редактурой и уртекстом, их никто этому не учил. Многие умеют великолепно

«играть в рояль» и умеют играть значительно лучше меня в смысле головоломных всяких рапсодий, но самая важная вещь в рояле – звук, над которым в наших учебных заведениях, и в Московской консерватории в частности, почти никто не работает. Из-за этого колоссальное количество талантливейших фортепианных гладиаторов, ковбоев и т.д. так и не становятся полноценными музыкантами. Я 12 лет преподаю в консерватории. Де-

ВОПРОС НОМЕРА

– Что вы читаете сейчас?

Николай ПЕТРОВ:

– Акунина и две книги Михаила Веллера. На мой взгляд, литература чрезвычайно интересная, талантливая и необычная. Люблю читать детективы: страсть к этому жанру я унаследовал от мамы. Честно скажу, мне бы хотелось перечитать классику. К сожалению, сил хватает только на какую-то модную литературу – она может быть очень хорошей, но все-таки в большой мере она сиюминутна. Я не уверен, что наступит момент, когда я смогу взять и перечитать Достоевского: скорее всего, просто рука не потянется. Но так – помню что-то... Автор жизни – это Булгаков. Очень люблю Зощенко. Я в юности практически наизусть знал большую часть того, что он написал: и не только его безумно смешные острые рассказы, но и его совершенно поразительную лирику – нежную, хрупкую, чудесную. Обычно любимые книги – это те, что лежат в самых неожиданных местах. Сколько раз так у меня лежали Ильф и Петров, Гашек, Зощенко или Булгаков. Нашей семьей была собрана огромная библиотека в несколько тысяч томов. Из них половина – на французском языке, и в юности я перечитал огромное количество французской беллетристики. Библиотека пополнялась и мною: в советские времена я привозил из-за границы запрещенные книги, за что, разумеется, мог сесть. Помню, как вез замечательную книгу «Укрощение искусств» Елагина – извините, в штанах, привязав к бедру, потев от страха. У меня ее, кстати, «увел» г-н Коротич: взял почитать и – с концами. Недавно я его встретил, а он мне: «Мы ее издали», я говорю: «Так отдайте!». До сих пор – ждем.

18-24.01.2001

Николай Петров